Удалова Ирина Витальевна

директор

БУК Чебоксарского района Чувашской Республики

«Музей «Бичурин и современность»

п. Кугеси, Чувашская Республика

DOI 10.21661/r-530793

ВОСПОМИНАНИЯ НАДЕЖДЫ МОЛЛЕР – ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИИ Н.Я. БИЧУРИНА

***Аннотация:** в статье рассмотрены воспоминания внучатой племянницы Н.Я. Бичурина писательницы Н.С. Моллер в качестве источника для изучения биографии ученого, его характера и мировоззрения, влияния на их формирование конкретных фактов и обстоятельств китайского, петербургского и других периодов его жизни. Эти воспоминания были использованы в научной литературе и в документально-художественных произведениях.*

***Ключевые слова:** биографистика, Бичурин, Моллер, воспоминания.*

Важное место источников по биографии каждого деятеля занимают воспоминания – устные и письменные свидетельства современников о фактах его жизни, заслугах, поведении в общественной сфере и в быту. В отношении биографии Н.Я. Бичурина интересными свидетельствами такого рода являются воспоминания его внучатой племянницы Надежды Степановны Моллер, урожденной Мициковой (1834–1907) впервые опубликованы под названием «Иак-инф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки» в августовском и сентябрьском номерах журнала «Русская старина» в 1888 году и включенные в качестве приложения в изданную в 2017 году монографию Н.Я. Бичурина «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» [2]. Опубликованные уже пожилой женщиной через много лет после смерти Н.Я. Бичурина, эти воспоминания, как и все подобные нарративные источники, носят, конечно, отпечаток личного восприятия, но это не уменьшает их значения для понимания и характера, ми-

ровоззрения Никиты Яковлевича, и тех общественно-исторических конкретных условий, в которых они сформировались и проявились.

Так, ряд сюжетов из этих мемуаров был воспроизведен в исторической новелле Валентина Пикуля «Железные четки». Первый из них – о принятии монашества якобы по мотивам неразделенной любви к Татьяне Саблуковой. Романтическая версия принятия решения, которое тяготило о. Иакинфа до самых последних дней, основана на воспоминаниях Н.С. Моллер, хотя она сама оговаривала, что это лишь недостоверное семейное предание. Тем не менее, эта версия была популяризована и мало у кого вызывает сомнения. Однако ряд исследователей находят её малоубедительной; её достоверность сходит на нет, если рассмотреть социальные условия, оказавшие влияние на выбор молодого Никиты.

Данный факт в биографии Бичурина обоснованно поставлен под сомнение Ю.М. Артемьевым, В.А. Золотовым и другими исследователями.

Второй – об инциденте с лакеем Александром, которого по подозрению в краже у Бичурина бумажника с деньгами. Моллер свидетельствует об отношении к этому инциденту самого Никиты Яковлевича: «Дедушка ужасно рассердился, когда узнал об этом, и тотчас заявил, что никаких денег в бумажнике не было. Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всем крепостным, о. Иакинф всегда был защитником пред отцом и матерью моею в случае провинности кого-либо из наших людей. Когда же он узнавал, что кто-нибудь из них был отправлен в часть для наказания или в рабочий дом для исправления, то возмущало до глубины души и приходил в большое негодование. Он почти тотчас уезжал от нас и не приезжал иногда довольно долго, пока, наконец, забывал об этом обстоятельстве» [2, с. 404]. В данном случае бумажник был потом найден и Иакинф велел отдать деньги пострадавшему из-за них лакею.

Третий эпизод дал название новелле «Железные четки». Речь идет о четках, изготовленных из кандалов друга Бичурина – ссыльного декабриста, художника Николая Бестужева, нарисовавшего портрет Бичурина. Моллер воспроизводит эпизод с четками так: «Мне ужасно нравились четки, которые он носил постоянно, не снимая их даже на ночь. Много раз я просила подарить их

мне, но всегда он отвечал одно и то же: когда вырастешь и будешь умнее, тогда и подарю» [2, с. 416]. Тайна происхождения этой реликвии стала известна только намного позже.

Четвертый эпизод из воспоминаний Надежды Моллер – об обстоятельствах смерти Бичурина в монастыре, о ее последних встречах с умирающим Никитой Яковлевичем вошел и в «Железные четки» В.С. Пикуля и в монографию профессора П.В. Денисова «Слово о монахе Иакинфе Бичурине», в которой он, воспроизводя это горестное событие во всех обстоятельствах, при этом прямо ссылается на ее свидетельство [1, с. 279]. Мемуары Н.С. Моллер вообще являются одним из основных источников главы этой монографии «На закате жизни», посвященной последним годам жизни ученого [1, с. 243–282], проведенных им то в Александро-Невской Лавре, определенной для Иакинфа в качестве официального места жительства Иакинфа, то в окрестностях Петербурга, на даче Мициковых в поселке Мурино, где как раз и общалась с ним юная в те годы Надежда Степановна. В 2019 году в названии одного из проездов поселка увековечено имя Н.Я. Бичурина. Оттуда они совершали поездки по окрестностям, ходили в лес: «Пошли далеко, разнообразные прогулки по живописным окрестностям Мурино. Катались в телегах и уезжали не только на целый день, но и на два и на три. Ездили в Паргалово, Южки, Осиновую рощу, Токсово, Рябово и др. От этих прогулок отец Иакинф никогда не отказывался. Он их очень любил и ради них прерывал свои занятия» [2, с. 414].

Н.С. Моллер рисует его портрет и характер: «Был он высокого роста, держался совершенно прямо. Лицо бледное, очень худое, с провалившимися щеками и выдающимися скулами. Открытый большой лоб, между бровей глубокая морщина. Около рта также глубокие морщины. Губы довольно толстые. Глаза большие, темные, блестящие, живые. Побелевшие жиденькие волосы на голове и почти белая, густая борода. Движения быстрые, нетерпеливые. Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих» [2, с. 400]. Этот монах, бывший мис-

сионер почти не появлялся в монашеском одеянии, не соблюдал посты, был общительным и имел множество знакомых – к нему тянулись и взрослые, и дети. Его гуманистические взгляды на воспитание детей охарактеризованы в следующем фрагменте: «Дедушка не любил и сердился всегда, когда наказывали детей, в особенности терпеть не мог розог. Помню, бывали крупные разговоры между ним и матерью по поводу наказания детей. Он горячился, бранился и доказывал, что наказывать детей не следует и в Китае их никогда не наказывают, а между тем все китайцы умные и хорошие люди. Если, приехав к нам, он заставал кого-либо из детей наказанным, он тотчас же настаивал на прощении. Если же это было пред обедом, он не садился за стол до тех пор, пока провинившийся не был прощен, и сажал его обыкновенно около себя» [2, с. 396].

Влияние китайских впечатлений отражалось и на быту Бичурина. Это сказывалось и в предпочтении чесучовой ткани для костюма, и в своеобразном оформлении интерьера жилища и «китайской беседки, а которой он в уединении работал. На основании свидетельств Надежды Моллер П.В. Денисов отметил: «Любопытно, Никита Яковлевич, привыкший в Китае жить в домах каркасно-столбовой конструкции, непременно с верандой и в окружении садового хозяйства, летнее время, как правило, проводил в обстановке, напоминающей жизнь в Китае» [1, с. 247]. Надежда Степановна так описывала эту примечательную особенность бичуринского быта – «китайскую беседку»: «Домик у нас был небольшой, с мезонином, но зато большой, прекрасный сад, в глубине которого стояла беседка, вся утопавшая, можно сказать, в душистой зелени. Кругом росли густые кусты сирени, воздушного жасмина; между окнами вился каприфоллий. Ступени, ведущая к двери, уставлены были горкой всевозможными цветами. Аллея, ведущая от беседки к главной аллее, была вся обсажена розами-сантифолиями, составлявшими гордость отца и садовника. Отец был большой любитель цветов и не жалел на них денег. У нас их было множество дорогих и редких.

Вот в этой-то беседке и жил дедушка, когда приезжал к нам гостить на лето. Он помещался в ней не потому, чтоб в доме не было для него комнаты, а

ему нравилось быть подальше от всех и вполне уже изолированно. К тому же он говорил, что жизнь в этой беседке напоминала ему житье его в Китае» [2, с. 397].

Конечно, дело не только в этих и подобных выразительных штрихах к портрету ученого. Важнее, что у него, великолепного знатока языка, обычаев и культуры Поднебесной, Китай всегда вызывал искренний горячий интерес, который он стремился передать окружающим людям. Н.С. Моллер вспоминала: «Любимый разговор дедушки был о Китае. Когда заходила речь о нем, или вообще об Азии, его просто нельзя было узнать. Он начинал говорить много, долго, все увлекаясь и оживляясь, вскакивал с места, быстро ходил большими шагами, то бросая, то закуривая сигару. Помню, бывали горячие разговоры, шумные и долгие споры, но содержание их ускользнуло из памяти. Живо запомнились только некоторые выражения о. Иакинфа. Например, если ему не нравилось чье-либо мнение, он, горячась, говорил:

– Да что с вами толковать! Вы судите по-европейски! А, черт! – прибавит он с раздражением и махнет рукой. Потом, закурив сигару, замолчит надолго.

– Лучше нельзя рассудить! Это совершенно согласно с мнением китайцев! Да! Вы судите верно. Вы судите вполне по-азиатски!

Выше этой похвалы, по его мнению, ничего не могло быть; не было у него также и осуждения ниже:

– Да это все европейское! Вы настоящий европеец и вздор городите европейский! [2, с. 416].

Такие настроения и суждения Н.Я. Бичурина входили в диссонанс с доминировавшими в середине XIX века в российском образованном обществе европоцентристскими взглядами. Надежда Моллер ощутила это на себе. Когда в 1848 году мать Софья Александровна Мицикова направила ее в возрасте 14 лет для продолжения образования в элитное женское учебное заведение – Смольный, Иакинф перевел ей туда тетрадь с упражнениями по китайскому языку. Н.С. Моллер свидетельствует, что ее представляли всем высоким и почетным

гостям как внучку Н.Я. Бичурина, приезжавший в Смольный принц Ольденбургский всегда спрашивал ее о его здоровье и «посылал ему поклоны».

Подводя итоги воспоминаний, которыми она поделилась уже с новым поколением соотечественников, Н.С. Моллер заметила «Скоро исполнится тридцать пять лет со дня его кончины. Ошибки его жизни забылись; остались одни ученыя заслуги и знаменитое имя. И с гордостью я вспоминаю, что была его любимой внучкой и мне одной выпало на долю усладить, хотя одними только мгновеньями, его одинокий, забытый, безотрадный конец дней» [2, с. 439].

Но конец дней – это еще не означает конец дела жизни, конец памяти. И сегодня мы имеем счастливую возможность прочитать воспоминания, воссоздающие светлый облик ученого-гуманиста, просветителя, каким он был в жизни, в быту, в общении с людьми и каким он останется в памяти поколений – теперь уже навсегда.

Список литературы

1. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине / П.В. Денисов. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 335 с.
2. Моллер Н.С. Иакинф Бичурин в воспоминаниях его внучки // Китай, его жители, нравы, просвещение / Н.Я. Бичурин. – М.: Эксмо, 2017. – С. 395–439.